

ИГОРЬ БУТОРИН

УРОДЫ

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ

Игорь Буторин

Уроды. Повесть о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22169963

ISBN 9785448351280

Аннотация

Повесть «Уроды» о любви, какой бы странной она ни казалась. В конце концов, гораздо важнее, что она вообще получилась, а уж какая – не нам судить.

Содержание

Уроды	5
Томагочи	6
1	6
2	13
3	19
4	25
5	29
6	33
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Уроды
Повесть о любви
Игорь Буторин

© Игорь Буторин, 2016

ISBN 978-5-4483-5128-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уроды

Повесть о любви

Игорь Буторин

Томагочи

1

Александра Семеновна открыла дверь своим ключом. Голова, после вчерашних поминок, немного болела. В квартире усопшей соседки царил бардак. Это и понятно, кто теперь здесь будет наводить порядок?

Семеновна устало бродила по хаосу. Среди развороченного тризной стола с остатками еды и старой посуды, продавленных стульев и куч тряпья по углам, соседка была похожа на курицу среди безобразия скотного двора. Съела скукоженный покрытый капельками испарины кусок сыра, на подоконнике обнаружила недопитую рюмку водки, не задумываясь, выпила ее содержимое и присела на табурет. Из туалета раздался звук унитаза, от которого Семеновна даже вздрогнула.

– Что они там себе думают? Вот ты мне объясни на милость, – громко спросила Семеновна, подойдя к двери уборной. – Какие-то сволочи, других слов я подобрать не могу. Совсем уже народ в нищету вогнали. Я на прошлой неделе газету читала, так вообще волосы дыбом. Никогда не думала, что придется еще и в конце жизни голодовать. Вот после войны страшная голодуха была, собак ели, хлеб давали

по карточкам, варенье варили без сахара... На всю жизнь запомнила его вкус. А нам, ребятам, ведь не объяснишь, что жрать нечего, вот мать и плакала тайком. Потом, когда карточки отменили, нам все не верилось, что хлеба теперь можно есть вволю. Четыре буханки тогда с братьями умяли, потом животы очень болели.

Из-за двери никто не ответил.

– Ладно, пойду, я, чё-то устала прибираться тут. Пойду, полежу, потом еще приду... поприбираюсь. Народ совсем сдурел, смотри-ка, кто-то рюмку припрятал с закуской... Со всем сдурели, сволочи. Ну, ладно, отдохни и ты поплачь, помогает... Горе-то какое. Эх, Дуся, Дуся, сама ушла, а сыночка не забрала с собой, – и шепотом добавила, – а зря...

Семеновна горько вздохнула, смахнула слезинку. Подумала, как-то оно будет, когда и ей придет срок отдать Богу душу? Пошла домой поплакать и заранее пожалеть себя, а быть может, свою дочь, которая вряд ли успеет на похороны, потому что живет аж в Салехарде, а оттуда за три дня не доберешься. Кто будет ее хоронить, как оно будет... неизвестно.

Похороны соседки организовывала она одна. Семеновна ходила по соседям просила помочь. Кто деньгами, кто свозил на своей машине по инстанциям. Одним словом, похоронили соседку Дусю, как считала Семеновна, нормально. Да и поминки организовала тоже она. И теперь понимала, что, когда придет ее срок, бегать и хлопотать будет некому. В подъезде из стариков теперь кроме нее никого не осталось.

Все остальные жильцы хрущовки были более-менее молоды, и помирать им еще рано.

Когда дверь за соседкой закрылась, из туалета на инвалидной коляске выехал Кусков. Двигался он хотя и уверенно, но осторожно, ощупывая встречные углы руками. На нем была старенькая, застегнутая на все пуговицы, но чистая белая рубаша. Глаза скрывали темные очки. Он несколько раз наткнулся на стоящие, на непривычных местах табуретки и стол, пока не добрался до подоконника, где нашел магнитола и включил радио. Оттуда зазвучали новости о выборах, взрывах, революциях на Ближнем Востоке, ДТП и прочая чернуха. Молодой человек выключил радио и подался на кухню. Там в холодильнике взял бутылку водки.

– Царствие небесное тебе, мама, – и запрокинув голову, стал пить обжигающую жидкость крупными глотками. Потом закашлялся. Минуту сидел переваривая. Комок в горле душил, из глаз брызнули слезы. Кусков сквозь слезы заорал во все горло песню: «Комбат – батяня, батяня – комбат...»

То ли прооравшись, то ли проплакавшись, уставший Кусков снова припал к горлышку бутылки...

*

Из забытья его вывел звонок в дверь, который прозвучал резко и требовательно. Кусков нехотя подъехал к двери.

– Кто?

– Я это, Серега Селезнев. Помнишь?

Кусков помнил Серегу. Они были друзьями с детства. Вместе росли, вместе пошли в школу, вместе ушли в армию. Потом Серега женился и переехал в соседний дом в прималке к своей жене. Его же родители перебрались жить в деревню, откуда тридцать лет назад приехали в город за хорошей жизнью. А вот в старости потянуло их на малую родину, да и жалко было оставлять дома, которые достались в наследство от их деревенских родителей.

Последний раз Кусков видел друга детства на своих проходах в армию, и вот, вдруг, Серега объявился.

Серега ворвался в квартиру, как свежий ветер, хотя свежим его можно было назвать с большой натяжкой, потому что друг детства дополнил комнатное пространство запахом густого перегара.

– Здорово, – пожал руку Кускову Серега и, на алкогольном нерве затараторил, не прерываясь. – Ну, как ты? Да-а, жалко тетю Дусю. Теперь один... Ну, ниче, ты не бойсь, я тебе, если чё надо, помогу, друзья детства все-таки. Слушай, после поминок, может, у тебя выпить чего осталось, а то вчера ветку перегнул, сейчас трясет, как не знаю что.

Кусков, обрадовался Сереге и кивнул на старенький шифоньер, где была припрятана водка.

– О, ейс! Ты будешь? Давай помянем, легче будет.

Серега быстро разлил по рюмкам. Одну всучил Кускову, быстро чокнулся и стремительно опрокинул ее в свое пышу-

щее похмельем нутро. Минуту сидел набычившись, переживая первую похмелочную, потом встрепенулся и уставился на Кускова уже посветлевшими глазами. Сереге явно полегчало, после чего, по старой русской алкогольной традиции, требовалось поговорить.

– Ты не бойсь, Серега Селезнев никогда своих друзей в беде не бросает, – начал разговор по душам друг детства. – Прорвемся. Может сразу по второй?

Серега разлил, сообщил, что за помин души надо пить не чокаясь, выпил сам. Кускову стало хорошо. Хорошо, что сейчас на следующий день после похорон матери сидит дома не один. Он был благодарен Сереге, что тот, вспомнив о друге детства, зашел его проведать. Благодарен, что тот не вовлекает его в разговор, а треплется сам, не жалеет друга и не задает лишних вопросов о будущем. Хорошо, когда есть друзья. Эта уже пьяная мысль согрела не хуже водки, и стало спокойнее.

– Классно было в детстве, рассуждал Серега. – Ни тебе забот, ни хлопот. Даже соплю тебе подотрут, живи и радуйся. А сейчас... Моя совсем оборзела. Сегодня просыпаюсь – так тошно, а она орет своим противным голосом. Так заколебала, ну, я и долбанул ей промеж рог. Так она, стерва живучая, топор схватила и нагло так мне в глаза говорит: «Убью на хрен, и мне ничего не будет». Прикинь, в каком настроении я сегодня из дома вышел.

Снова налил Серега, предупредив друга, что пьет теперь

по половинке, чтобы на дольше хватило, и чтобы можно было толком поговорить.

– Конечно, все от водки, – настроение Сереги приобретало все более философские мотивы. – Ну вот, если разобраться, так ведь это она вместе с тещей меня на стакан посадили. Выпей, зятек, ты у меня хороший. А моя, я сколько раз ей говорил, давай вместе, я из запоя выйду, ты только гостей не приглашай, ну месяц, или два, а там я бы выправился. Так нет, сука, заявила, что из-за меня, пьяницы, она свой образ жизни менять не собирается. Вот оно и пошло-поехало. Она с бодуна не болеет, здоровая стерва, а мне с утра хреново. Ну, там, пивка или еще чего, а, как говорится, сто грамм не стоп-кран, дернешь – не остановишься. Понятно, что к вечеру нажрешься, да еще и эта халда постоянно орет своим противным голосом. Хотя, если разобраться, то моя-то тоже уже на стакане, бабы они быстрее мужиков спиваются. Только она этого не понимает. Для нее я главный корень зла и беспробудного пьянства. Запой, конечно, частенько стали случаться. Ну, ладно, загрузил я тебя, давай лучше выпьем. Что делать собираешься?

От такого резкого перехода Кусков не сразу понял, о чем это его спрашивают.

– Черт его знает. Пенсия пока идет, правда, небольшая, но жить можно.

Серега посмотрел в окно и предложил:

– Может, тебе бабу завести? Они хоть и стервы, но и поль-

за от них тоже есть: там пожрать-постирать могут и вообще... секс.

– Чего молотишь, кому сегодня инвалид нужен? Да и вообще, кому мы, живые уроды, кроме матерей, нужны. Они, как привыкли с детства сопли да дерьмо за детьми убирать, так всю жизнь и убирают, пока не споткнутся о край могилы. Я вообще жалею, что не погиб, мать бы десять лет назад отревелась, нынче в гроб спокойней бы легла...

Сказал это Кусков зло, поэтому Серега насколько это было возможно с уже затуманенным сознанием, попытался успокоить товарища:

– Не бойсь, если чего надо, я тебе помогу, буду заходить, проводывать. Что ты здесь один будешь киснуть. А я тебя с корешками познакомлю, ну там, когда бутылочку раскатаем, когда просто потрендим. Не бойсь, я тебя не оставлю, ты мой корешан! Давай за настоящую мужскую дружбу.

Еще выпили. Серега, накидавшись на старые дрожжи, уже сильно окосел и Кусков это понял по заплетающейся речи друга.

– Заходи, Серега. Всегда рад.

Но Серега вместо того, чтобы откланяться, просто стек на пол. Кусков ошупью обнаружил обмякшее тело школьного товарища, достал еще одну бутылку водки, выпил из горлышка и вновь затянул песню про комбата. Раздался стук по батарее.

Прошла неделя со дня похорон матери. Кусков даже пробовал приспособиться к одинокой жизни. Он, по сути, пытался вновь изучить квартиру. Если раньше ему все подавала мать, то теперь необходимое ему приходилось искать самостоятельно. А слепому это было нелегко. Если что-то падало на пол, то найти это, сидя в инвалидном кресле, было практически невозможно. Именно поэтому квартира скоро превратилась в форменный бардак. Опять же он порой забывал, что и куда ставил. Так однажды он почти час искал чайник. Потом нашел его в ванной. Беспомощность больше всего злила Кускова. Причем злился он на весь белый свет – на себя, на умершую мать, на соседку, которая долго не приходит, на правительство и собес. В такие минуты гнева он мог и сам запулить что попадало под руку, а потом долго это не вовремя попавшееся под руку, но нужное, искать.

Редко, но приходила соседка. Она терпеливо, но ворчливо собирала разбросанные вещи и домашнюю утварь, ставила все на положенные места. Однако Кусков не всегда догадывался, где эти «положенные» места находятся, и тогда снова злился, или плакал, или беспомощно скулил. Соседка Александра Семеновна приносила продукты, иногда суп. Когда она приходила инвалид молчал, а после ее ухода вновь превращался «в злого овоща», как он теперь себя стал называть.

После смерти матери, как ему казалось, его окружила липкая крошечная мгла. Если раньше, когда была жива мать, его окутывала ее любовь, ее разговоры, ее рассказы о том, что творится на улице, в магазинах и вообще в мире. То теперь, оставшись совсем один, он физически ощущал, эту темноту, которая заползала во все его существо, разъедая изнутри. Его слепота была не врожденной, а, если можно так цинично сказать – благоприобретенной, поэтому он плохо ориентировался даже в своей квартире. Комок в горле окостенел, и главное, что теперь постоянно занимало его сознание, была жалость к самому себе и злость на весь мир. Мыслей о том, что он сам виноват в смерти матери, Кусков старательно не замечал.

Так всегда бывает, что смерть близкого человека мы воспринимаем исключительно, как подлое предательство с его стороны. И плачем на похоронах от того, что нам жалко себя, брошенных в этом, как нам тогда кажется, несправедливом мире. А он – покойник, ушел от суеты и проблем и ему там уже хорошо. А нам остаётся весь этот огромный жестокий мир с его болями, разочарованиями и вечной суетой.

«Ну, вот, что теперь делать? Как жить?» – страх Кусков испытывал панический, на грани отчаяния, до тошноты.

Друг детства Серега больше не заглядывал, скорее всего, вышел из запоя и помирился с женой. Водка, которая осталась после поминок кончилась. О том, чтобы купить еще спиртного, соседка и слушать не хотела и Кусков целыми

днями слушал радио. Но и оно не вносило в его темный мир хоть какую-то иную краску кроме черной.

Иногда Кускову снилась мать. Снилось молодой и красивой. Такой, какой он ее помнил с детства. Отца у него не было. Нет, он, конечно же был, но Кусков его не знал, тот ушел от матери, когда узнал, что она беременна. Дома не было даже его фотографии. Да и мать о нем никогда не вспоминала.

Выйти замуж снова она даже не пыталась, и всю свою жизнь посвятила сыну. Хотя, по мнению Кускова, она была очень красивой женщиной, и в детстве, во время их прогулок в городском саду, он часто ловил заинтересованные взгляды мужчин, которые те бросали в ее сторону. Но раз она так решила, что сама воспитает и поднимет сына, так и было, пока не случилось несчастье – сын стал калекой. И даже в этой ситуации она не падала духом, ухаживала за ним. Наверное, втихаря плакала. Однако Кусков ни разу не слышал горестных ноток в ее голосе. Она всегда излучала оптимизм и веру в то, что рано или поздно врачи помогут ее мальчику, и прозреть, и встать на ноги. Сердечный приступ перечеркнул всю их, пусть нелегкую, но устроенную жизнь.

Кусков теперь частенько плакал. Мысль о будущем вызывала у него тихую панику, и тогда он пел песню про батяню—комбата шёпотом и очень жалостливо. Комбатом ему виделась его мама, ее образ освящал слова этой песни, оттого и звучала она по-разному. Когда жалостливо, когда зло. Зло, потому что Кусков считал мать тоже виноватой в его ситуа-

ции. Почему умерла, оставив его здесь, на этом свете, таким никчемным, беспомощным и никому на фиг не нужным.

Ему тоже хотелось вслед за матерью покинуть этот мир. Вот только как?

Иногда он мысленно разрабатывал способы, как свести счеты с жизнью. Однако мысли эти были какими-то вялыми. Бросаться из окна было бесполезно – из квартиры на первом этаже далеко не улетишь и уж тем более, на смерть не разобьешься. Или, например, пустить газ. Однако при взрыве могут пострадать соседи. А их жалко – ни причем они. Повеситься? Куда прикрутить веревку? Да и не найти ее, заботливая Семеновна унесла не только веревки, но и все ножи. Хотя, при желании, найти какой-нибудь способ свести счеты с этой теперь совсем уже беспроглядной жизнью было можно, но чернота жалости к себе облепила его таким плотным панцирем, что туда не смог бы пробиться даже самый сильный импульс к окончанию теперешнего никчёмного и беспомощной существования. Не было никаких сил и воли.

Иногда соседка заговаривала о том, что было бы неплохо пристроить Кускова в какой-нибудь интернат или богадельню. Она обещала написать письмо на телевидение, чтобы там журналисты прониклись и помогли устроить жизнь инвалида, потому что она тоже не вечная и ноги плохо ходят, и давление плющит и вообще тоже собирается на тот свет, потому надо пристроить калеку, как можно скорее.

Однажды именно в тот момент, когда он грустно пел про

комбата и придумывал методы ухода из этой черной жизни, в дверь нервно застучали.

– Откройте! Помогите! Пожар!

Кусков, очнувшись от своих дум, подъехал к двери и отпер ее. В комнату ввалилась компания, судя по голосам, молодых людей. Это были два парня и девица. Они резко захлопнули дверь и затихли. Один из гостей, припав к уху Кускова, затараторил:

– Парень, парень, слушай, прикрой нас, менты достают! Спрячь! Сейчас по квартирам пойдут. Ты что, глухой?

– Нет, слепой, – безразлично молвил Кусков. – Прячьтесь, где хотите. Мне по уху!

Гости устремилась вглубь квартиры, а Кусков остался у двери. Не прошло и минуты, как в дверь позвонили.

– Кто?

– Милиция.

– Я инвалид, незрячий, кто вас знает, может, вы бандиты.

В это время стало слышно, как свою дверь открыла соседка, видно, позвонили и ей тоже.

В подъезде стояли два оперативника, которые предъявили Семеновне свои удостоверения и уточнили:

– Он что, точно инвалид?

– Да, один живет, – пояснила Семеновна. – Мать недавно померла. Он после Чечни не видит и не ходит.

Но опер все равно поинтересовался через запертую дверь:

– Эй, к тебе кто-нибудь заходил?

– Нет. Кому я на хрен нужен!

Соседка сердобольно махнула в сторону двери рукой:

– Да, нет, кому он откроет. Выпивает он, иногда сразу не разбудишь. Никто к нему не заходил, я бы услышала, я за ним ухаживаю.

Оперативники поднялись выше и стали звонить в другие квартиры. Потом было слышно, как они чертыхались и сетовали, что чердак не закрыт, поэтому беглецы, скорее всего, через него и скрылись. С тем и ушли.

Кусков вернулся в комнату.

– Эй! Где вы? Вылезайте, слиняли менты.

Молодые люди и не прятались. Они уже расположились в комнате вокруг стола и курили. Один из них самый шустрый хлопнул Кускова по плечу:

– Спасибо, парень. Мы еще немного посидим, пусть мусора окончательно свинтят.

Его товарищ загасил сигарету в тарелке с уже мумифицированными вчерашними пельменями и поинтересовался:

– Парень, а ты чё один здесь живешь? Кайфово! Только вот воняет у тебя чем-то. А где Зойка?

Второй махнул в сторону туалета:

– Обделалась, наверное. Как спряталась в клозете, так и сидит там, трясется. Парень, парень, мы у тебя ширнемся?

Кусков только махнул рукой, давая понять, чтобы делали что хотят. Хотя нет, есть у него дело. Он вытащил из кармана смятую купюру и протянул в сторону ближайшего голоса.

– Вы мне тоже помогите – водки принесите... пожалуйста.

Парни переглянулись. Условились, что сначала они «вколются», а потом принесут водки. Из приличия предложили уколиться и Кускову, но тот отказался. Они быстро и умеючи приготовили свое снадобье и приняли по уколу.

Потом еще какое-то время выглядывали в окно и когда убедились, что там нет полицейских, собрались уходить. Шустрый взял сотенную купюру Кускова, перемигнулся с товарищем и сказал:

– Парень, мы за водярой. Как вернемся, постучим в дверь. Шестнадцать длинных, восемнадцать коротких, значит это мы, открывай смело. Договорились? Ну, пока. Если Зойка проснется, гони ее в шею. Она там у тебя в туалете уснула, наверное, парчуга.

Своих новых товарищей Кусков так и не дождался.

3

Кусков вначале очень злился на незваных гостей, которые забрали деньги, да так ничего и не принесли. Неблагодарные. Потом успокоился, кто их знает, быть может, не получилось, глядишь, еще принесут выпивку. Ведь так не бывает, чтобы совсем не было у людей совести, он же им помог...

Спустя какое-то время в ванной зашумела вода. Кусков вздрогнул. После смерти матери он спал в кресле, да и кто поможет перебраться сначала на кровать, а потом обратно

в кресло. Умываться тоже перестал. А нафига? Кто его увидит? А тут – шум воды. Опять, наверное, трубу прорвало, и надо звать Семеновну, чтобы та звонила слесарю. Однако комната вдруг наполнилась движением, и раздался довольно молодой женский голос:

– Ой, ты моя хорошая, обделалась. Засраночка, моя. Сейчас, сейчас мы все уберем, покормим тебя и поиграем.

Кусков на минуту растерялся – кто пробрался в его квартиру, так что он не заметил? Откуда в его квартире какая-то женщина с кем-то собирается играть? Наверное, незваные гости не заперли дверь? Или кто-то перепутал квартиры? Или что... белая горячка?

– Кто здесь?

Девушка подала голос:

– Здравова, еще раз! А ты кто?

– Конь в пальто, – нагрубил Кусков. – Живу я здесь. А ты, кто?

Девушка плюхнулась на стул напротив Кускова, он это почувствовал.

– Зови меня – Зоя. Ты что, забыл? Мы у тебя прятались от ментов.

– А что твои дружки тебя здесь оставили что ли? Или ты сама осталась или тебя забыли?

– Я уснула... у тебя в ванной. Намаялась я там...

– Где?

– В красном уголке. А почему у тебя так пахнет?

– А с кем ты разговаривала?

– Когда?

– Только что.

– Что у тебя так воняет? Это Клашка.

– Где Клашка?

– Вот. Она обделалась.

Зоя протянула ладони к Кускову, тот почувствовал движение ее рук и отпрянул.

– Поэтому и пахнет дерьмом. Она что, до туалета дойти не успела?

Теперь отпрянула девица:

– Ну, ты прикол. Как она до туалета дойдет? Она еще ребенок.

– Ты с ребенком пришла? Он твой?

– Мой.

– А папаня где?

– В Караганде. Тормоз.

– У меня в Чечне замкомвзвода был из Караганды – Витек.

Девушка уже не слушала Кускова. Все ее внимание было обращено к маленькой затертой пластмассовой коробочке, которая лежала в ее ладонях.

– Ну, теперь давай есть.

– Ты посмотри, там, в холодильнике еще должен остаться соседский борщ.

Теперь девушка начала с интересом рассматривать Кус-

кова. Перед ней сидел, в общем-то, молодой еще человек в заношенной белой рубашке, правда подмышками она уже поменяла цвет на рыжий. Лицо, заросшее щетиной, больше чем наполовину скрывали старомодные женские солнцезащитные очки.

– А ты инвалид детства, да?

– Нет, инвалид юности. Нашла?

– Что?

– Харчи.

– Так ты совсем ничего не видишь?

– Зато я слышу и чувствую запахи.

– А ты свой запах, что не чувствуешь?

– Так это же твоя дочка обделалась.

– Сам ты обделался. От нее не пахнет.

– Матерям от своих детей никогда не пахнет.

– Тормоз.

Зоя пошла на кухню, заглянула в холодильник.

– Да-а, борщик. Сколько уже дней томится? Духман от него... с ног валит!

— А как же ты с ребенком – и шляешься, где не попадя?

Девушка протянула свою коробочку Кускову, потом спохватилась, вспомнив, что он ничего не видит, и сунула ее в его руку.

– Клашенька, иди к дяде, он где-то чего-то не допонимает, а, видно, хочет понять. Руки подставь.

Кусков ощупал пластик коробочки. По форме она напо-

минала обычный брелок или маленькую мыльницу.

– Что это?

– Не что, а кто. Это Клавдея.

– Слушай, у тебя вообще все дома? Совсем, видно, долбанулась. Мыльницу дочкой называет. Крыша съехала?

Кусков бросил брелок на стол. Девушка быстро, но нежно схватила свою драгоценность. Понесла ее к лицу и запричитала:

– Ты, Клаша, не обращай внимания на дядю, он у нас урод в жопе ноги.

Ласковый тон девушки остудил зарождающийся гнев инвалида. Кускову вначале показалось, что над ним просто издеваются. Но потом по интонации девушки он понял, что та играет с каким-то загадочным предметом. Да мало ли какие у кого закидоны. Кусков решил подыграть этой блажи.

– Быть может и урод, только вот ноги – не совсем ноги и не совсем в жопе. Зоя, а как твоя Клавдея хезает?

– А как ты?

– Дура!

Коробочка издала писклявый звук.

– Это часы, догадался инвалид.

Зоя снова сунула коробочку в руки Кускову

— Поиграй с ней, видишь – просит.

Тут Кусков взорвался:

– Слушай, я хоть и урод, но не придурок.

Он размахнулся и уже собирался швырнуть писклявую

коробку об пол, но Зоя ловко вцепилась в его руку и начала ее выкручивать:

– Клаша, Клаша! Дай сюда! Чуть не убил ребенка. Фу-у, это ж от тебя так сильно наносит!

Кускову стало неудобно. И действительно он не мылся с похорон матери. Да и как было помыться, когда кран сломался, сантехник приходил, посмотрел, отрезал прохудившуюся трубу и пообещал вернуться, да вот все никак не идет.

– Слесарь, козел, не приходит чинить. А к соседям я стесняюсь попроситься. Тем более что трудно одному в ванну-из-ванны. Соседка обещала пожаловаться начальнику ЖЭКа. Но, видно, что-то не получилось. Извини...

– Да ладно. Это ты извини. Я понимаю, тебе трудно. А Клаша – это, томагочи, знаешь?

– Нет.

– Игрушка такая, японская. Ты пальцами пощупай, чувствуешь, вот это маленький экран, на нем и видно маленького зверька, утенка, например, или слоника, или вообще какое-нибудь фантастическое животное. Он как настоящий, но только маленький. Чтобы он рос, нужно за ним ухаживать. Кормить – вот этой кнопкой, играть – этой, укладывать спать, тогда он будет расти. А вот здесь, кнопочки, ими ты и общаешься с Клашей, а она голосом тебе отвечает, вот смотри, – девушка переставляла пальцы Кускова по кнопкам электронной игрушки. – Слушай, давай я тебе помыться помогу.

– Ты что, опупела? Сегодня друг придет, Серега, он мне поможет – Кусков даже отпрянул.

С девушкой тем временем произошли некоторые изменения. Она засуетилась. Вывернула все свои карманы, как если бы что искала. Не нашла.

– Вот козлы! Я же деньги достала, а они ширнулись, а мне не оставили, козлы! Пойду я, а то ломать начинает. Пока...

Зоя, моментально потухшая, вышла вон. В ладонях Кускова раздался писк. Он погладил томагочи, пытаюсь определить, где находится нужная кнопка.

4

На следующий день прямо с раннего утра появился Серега, да не один, а с двумя своими корешами. Мужики принесли водки, закуски и по-хозяйски расположились в квартире инвалида. Пока накрывали на стол, стояла слегка нервозная и разговорчивая суета, которая всегда сопутствует подготовке к пьянке.

Мужики даже некоторым образом сервировали стол. Серега торжественно подкатил коляску с Кусковым к столу и показал, как если бы тот мог видеть, где какая закуска.

– Ну, что? Тяпнем?

Водка забулькала по стопкам. За столом пошла обычная круговерть. После третьей рюмки гости уже говорили одновременно и каждый старался, чтобы его историю все осталь-

ные дослушали до конца. Мужики рассказывали какие-то случаи с других пьянок, немного про свою работу и низкую зарплату, а также про своих жен-стерв. Кускову было хорошо.

Хорошо, что друг Серега не забывает, отвлекает от грустных мыслей. Да и вообще, после водки все мужики становятся, как братья. Серега же, как обычно рассказывал про свое семейное счастье:

– Прикинь, я прихожу домой, а моя сука с порога: «Где был? Гостей полный дом. Я одна кручусь, а ты где-то жрешь.» Я хотел было меж рог, да не стал, гости все-таки. Зато потом, когда все разошлись, я ей дал. Вот только одного боюсь, как бы она меня ночью, спящего, не замочила. Шваркнет чугунной сковородкой по башке или ножом по горлу. А они у меня всегда наточены, будьте любезны, что же я, не мужик, что ли. Прикинь, от рук собственной бабы во сне богу душу отдать. А, что слесарь так и не приходил? Я его встречу, точно накостыляю, будет знать, как игнорировать моего друга детства, падла!

Разговор подхватил один из пришедших с Серегой мужиков:

– У меня такая же фигня была. Все боялся, что жена меня тоже угондошит. Однажды, чувствую – сегодня, собирается мне глотку резать. Я взял ее и привязал к кровати и только тогда спокойно уснул. А она, стерва, участковому заяву накатала. Тот мне садизм шил, хрен-наны, не вышло. Правда,

штраф на благо родины я за мелкое хулиганство все же отдал. После этого случая баба детей забрала и к теще упоролла, теперь спокойно засыпаю. Зато пока в обезьяннике сидел, вон с Петей познакомились, сейчас корешимся.

Компания уже изрядно опьянела. Один из гостей поинтересовался, что случилось с Кусковым. Ответил Серега, собобщив, что его друг – герой, и служил, и был ранен в Чечне. Мужики уважительно зацокали и просили рассказать. Кусков смутился:

– Что там рассказывать – война...

Но гости не унимались, поливая матом всех прошлых и нынешних политиков, олигархов и государство.

– Не, братан, в самом деле, расскажи корешам, как тебя, – настаивал Серега, явно гордящийся таким другом.

– Я танкистом был, – неохотно начал Кусков. – Попали в засаду, мой танк подорвался на mine. Контузия, люк открываю – сверху очередь, еле выбрался. Спасибо лейтенанту, командиру моего взвода, он меня затянул под броню. Отстреливались, пока были патроны, потом чехи из гранатомета шарахнули... очнулся я только в госпитале. Из нашей роты только я и остался. Лейтенант тоже погиб.

– Да, блядь! – прокомментировал Серега. – Вот козлы, жаль меня туда не отправили, я бы их голыми руками душил... и генералов этих тоже бы душил.

Кусков нежно поглаживал томагочи. Игрушка вдруг, запищала и он судорожно начал тыкать пальцами в кнопки,

чтобы унять звук. Методом проб и ошибок он уже успел освоиться с этой нехитрой электронной игрушкой. Серега и мужики тоже обратили внимание на звук.

– Это у тебя что?

– Томагочи Клаша.

Серега, увидев пластмассовую коробочку, снисходительно глянул на друга, приобнял его за плечи и покрутил пальцем у виска, собутыльники прыснули. Один из них с интересом, как будто только сейчас увидел квартирку, огляделся. Потом встал и уже с большим вниманием прошелся по комнате, заглянул на кухню, покрутил в руках бронзовую статуэтку и сунул ее за пазуху. Кусков в это время отъехал в туалет, и мужичок подсел к Сереге.

– Серега, он, один черт, ни фига не видит, давай у него что-нибудь возьмем, что продать можно.

Серега хоть уже и был сильно пьян, но возмутился:

– Ты совсем уже, он же друг детства. Я тебе за него башку снесу.

Собутыльнику не понравился серегин тон, и он огрызнулся:

– Ага, снес уже один. Вот, например, вазочка, ее точно можно толкнуть за хорошие бабки. Нафига ему ваза? Или вот приемничек с телеком. Ну, ладно, радио, а телевизор ему зачем, он ведь слепой. Если творчески подойти, то тут основательно можно все проредить.

Серега вдруг взвился свечой и набросился на кореша с ку-

лаками: «Я сейчас тебе зубы прорежу». Завязалась короткая драка, причем второй собутыльник оказался не на серегиной стороне.

Когда в комнате появился Кусков, то на полу в крови лежал только пьяный друг его детства Серега. Если бы он мог видеть, то заметил бы, что с новыми знакомыми из квартиры «ушли»: материна вазочка, бронзовая статуэтка, пара алюминиевых кастрюль и, наверное, еще что-нибудь, о существовании чего Кусков даже и не догадывался. Собутыльники унесли и немногочисленные материнские украшения – пара золотых колец, сережки и брошь.

5

Когда в квартиру зашла Зоя, то увидела довольно странную картину. На столе алкогольный раздрай, а на полу два пьяных мужика. Кусков, однако, признаки жизни все же подавал. Он слез со своей коляски и шарил по полу руками. Тут же валялся еще один мужик с окровавленным лицом, но он, похоже, крепко спал.

– Оба-на! Круто! Мужики, вы что? В войну играете?

Кусков хоть и услышал знакомый голос, но все же огрызнулся:

– Я в нее уже отыгрался. А тебе что надо?

– Ты мою Клашу не видел?

– Видел, она где-то здесь на полу, посмотри.

– Что произошло?

– Да мужики нажрались и схлестнулись. Сильный бардак?

– Там мужик какой-то валяется, может, мертвый. Давай помогу, садись.

Она помогла ему взобраться в кресло, и Кусков рассказал, что в гостях были мужики, выпивали, он отлучился, а когда вернулся, то, вот такая картина. А томагочи он случайно выронил, потом начал искать и опрокинулся из коляски. Сейчас он подъехал к Сереге и ощупал его:

– Это Серега, мой друг детства, он спит. Мертвый... Что бы понимала в покойниках! Ну, что, нашла свою Клашу?

– Ты ее раздавил.

– Да, ты что! Твою мать!

Кусков уже успел привыкнуть к этой игрушке. Он почти поверил, что там в этой пластмассовой «мыльнице» действительно живет очень маленькое, но милое существо, которое издает звуки и которое слушается трех кнопочек. Он не видел этого существа, но оно поселилось в его квартире. Воображение уже создало картинку. Это был маленький, как в мультике – инопланетянин. Не гуманоид, а просто живое существо с другой планеты, занесенное в его жизнь. Оно, это существо, носило вполне земное имя, что придавало ему земные качества, то есть оно чувствовало теплоту рук, могло ощутить заботу, а значит тоже испытывало какие-то ответные чувства, которые обращало на Кускова.

И сейчас известие о том, что оно просто раздавлено, по-

вергло Кускова в шок и ступор. Пожалуй, весть о смерти матери его потрясла меньше, чем раздавленная томагочи Клаша. Пьяные слезы сами по себе выкатились из-под очков и, вдруг превратились в поток. Кусков начал всхлипывать.

– Ты что? Во, дает! Это же игрушка, ну, ты что, как ребенок... Успокойся. Кончай, кончай реветь.

Рыдания прорвали плотину попыток сдержаться и Кусков пьяно завыл:

– Я ж уже научился за ней ухаживать. Вот ведь непруха! И кормить. Блин!

Он снял очки и размазывал слезы по своему лицу, отчего стал похож на маленького мальчика, у которого отобрали любимую игрушку.

– Кончай реветь! – Вдруг заорала Зоя и Кусков осекся. Теперь он просто икал. От крика проснулся Серега. Он непонимающе покрутил головой, заметив перемены в компании.

– Опаньки, девушка, а ты каким боком здесь?

То, что он подрался со своими случайными друзьями, похоже уже забылось. Кусков объяснил, что это знакомая пришла его навестить. Серега обрадовано приободрился и, разливая остатки водки, выпустил в мир очередную порцию своего словесного поноса.

– Может, за знакомство по-махонькой? А я подумал, может быть, родственнички какие дальние объявились, чтобы квартирка не ушла мимо их кассы.

Зоя, когда проснулся друг Серега, резко засобиралась ухо-

дить и ушла. Ее никто и не останавливал. Зачем она сюда вернулась, она не хотела понимать. Быть может из жалости?

Кусков никак не мог прийти в себя после потери томагочи, а Серега напряженно сливал остатки водки в один стакан. Когда хлопнула входная дверь, он все же не преминул прокомментировать увиденное:

– А ничего девица! С формами. Такой попец, рабочий.

– Кончай, – обессилено отмахнулся Кусков.

– Слушай, а у тебя бабы вообще-то были?

Кусков сидел неподвижно и, похоже, не слушал треп друга. Да тому и не нужны были никакие признаки внимания, он просто говорил и говорил, так течет ручеек, которому одинаково приятно, как на это смотрят окружающие, у него есть только одна забота бежать к морю. Так и у Сереги была одна забота говорить все, что сию минуту приходило в его забубенную голову, освобождая ее от мыслей и вываливая на собеседника нескончаемый и никем неконтролируемый поток его сознания.

– Что? Не было у тебя баб? Так ты мальчиком нецелованным в Чечню угодил? Ну, абзац! Я бы, будь моя воля, этих козлов с лампасами, которые вот таких, как ты, за титьку не державшихся пацанов, на войну отправляли, собственными руками душил бы. Ладно, давай помянем парней твоих, тетю Дусю, тут еще осталось.

Кусков гладил пальцами треснувший корпус электронной игрушки и по всему своему опрокинутому виду, напоминал

суку первородку, чьего щенка раздавило колесо случайной машины, когда ее бестолковый малыш вырвался из-под власти матери и со всех ног бросился изучать новый мир. И вот теперь собака, еще не осознав, что ее детеныш уже не дышит, продолжает его облизывать, и прятать поближе к сосцам, чтобы согреть и накормить.

На Кускова со всех сторон снова начала наползать густая и вязкая, как нефть – темнота.

6

Через пару дней к Кускову заявился слесарь. Это был большой мужик, с изъеденным морщинами и оспой лицом. Такие персонажи ко всему в этой жизни относятся с оптимизмом, и не особенно заморачиваются на проблемах, считая их житейскими пустяками. От такой публики всегда исходит живительная жизненная энергия, которую чувствуют окружающие и прощают таким людям их патологическое распиздяйство.

Слесарь, насвистывая и напевая, прошел в туалет. Кусков находился рядом с дверью и участливо вертел невидящей головой.

– У тебя что, унитаз не работает? Забился? Я прямо не слесарь, а золотарь какой-то. А эта девка тебе родственница?

Кусков не мог понять, про какую девку говорит сантех-

ник, но на всякий случай кивнул:

— Ты же сам мне трубу отрезал и две недели не приходил.

— Да-а! Посмотрим... Ни хрена себе, вы что сюда срезте?! – Пошутил слесарь и продолжил греметь своими ключами и железяками, – а я думал, родственница. Заколебала она меня. Она в администрацию округа донос накапала – герой-чеченец, инвалид, позабыли-позабросили. Одним словом, в нашем жэке одни изверги и садисты. А я что? Они же ни черта не дают, у народа денег нет, я что, за свои должен все покупать? Ладно, браток, ты извини, забыл я про тебя. С этой уродской жизнью скоро родную жену забудешь. А девка у тебя ничего так. Давно живете?

Кусков, так еще ничего и не поняв, ответил:

– Нет у меня больше родственников...

– Ага. Она из Тимура и его команды – мать Манефа, – нес свою «пургу» мужик. – Все, браток, слышишь... Журчат ручьи, кричат грачи. Ты бы хоть проветрил тут, а то запах. Сейчас уже вода есть. Привет родственнице, пусть больше в округ не жалуется. Хорошая баба, жопастая, – и снова принялся греметь своими инструментами, заталкивая их в выдавший виды портфель, при этом напевая, – Без рук, без ног на бабу скок... Ну, покедова!

– Спасибо, слесарь без головы.

— Да, ладно, не обижайся, я же не по злобе... Может тебе, чем помочь? Нет? Ну ладно, пошел я дальше лудить, паять, унитазные и айбиэмы починять.

— Эй-эй, погоди, слушай, помоги мне. У меня тут есть одна штука, ее раздавили, может, посмотришь, можно ли что-нибудь сделать, в смысле починить?

Кусков метанулся на коляске в комнату и привез томагочи. Сантехник взял игрушку в свои ручищи, посмотрел, похмыкал, достал маленькую отвертку и вскрыл Клаше внутренности.

Если бы Куском мог видеть, то его взгляду представилась бы удивительная картина. Мелкая коробочка томагочи, по всем правилам и законом должна была превратиться в грудку пластмассовых обломков, так несоизмеримы были эти величины – сарделькообразные заскорузлые пальцы слесаря и маленький электронный дивайс. Однако пальцы мастера скорее нежно, чем аккуратно внедрились внутрь корпуса и что-то там отгибали-соединяли. Наконец сантехник выпрямился и громко заявил:

– Да, херня! – в голосе слышалось удовлетворение.

– Сломал?

– Я же говорю – херня. Я в детстве в Доме пионеров в радиокружке занимался. Поэтому чё починить, для меня – херня. Держи, щас будет работать. Коробочка треснула, и контактик один отошел, а так нормально. А что это вообще такое?

Кусков недоверчиво нажал на кнопочку, и электронная игрушка издала свой характерный писк, которым она обычно оповещала хозяина, что пришло время кормить электрон-

ного монстрика.

– Да игрушка одна, девушка подарила, а я раздавил.

– Это та – жопастая? Хорошая баба! Пошел я.

За последние дни произошло самое значимое событие – Клаша ожила! Казалось бы, эта электронная бздюлинка «прожила» рядом с Кусковым всего-то несколько дней, однако он успел прикипеть к ней. Его воображение уже успело создать не только инопланетянина, но и реальных зверей, за которыми он ухаживал. Томагочи уже побывал котенком, причем самый обычный трехцветным полосатым шалопаем. Потом он реинкарнировался в щенка – вислоухого и веселого. Сейчас, после реанимации он представлялся Кускову мышонком – маленьким и писклявым. Темнота отступала от его тоненького голоска, который радостно и полностью захватил уже было почерневшего от горестных мыслей, Кускова. Однако мышонком он был не долго.

7

Теперь Клаша стала слоненком. Если не считать первого инопланетного монстрика, который сразу проявился в воображении при знакомстве Кускова с игрушкой, это стало после пятой реинкарнацией из котенка, собачки, мышонка и рыбки. Рыбка была самым неудачным воплощением. И действительно, что может быть глупее рыбки, если она не дельфин. Однако в воображении Кускова был не дельфин,

а обычный карась. Почему карась? Да так само получилось. И этого карася инвалид как-то не очень любил, поэтому не откликался на его требования покормить или поиграть. Одним словом, рыбку он специально уморил своим невниманием.

Вот другое дело нынешний слоненок. Такой забавный, с хоботом. Он казалось, бродит по квартире, лезет своим длинным носом в разные шхеры, иногда теребит волосы на голове Кускова. Потом, когда ему станет тесно в его маленьком домике, то Кусков отпустит его в Таиланд. Почему туда, а не в Африку? По радио сказали, что именно в Таиланде слоны на старости лет получают пенсию и могут уже не работать, а просто так жить в свое удовольствие. Опять же и отношение к ним в этой далекой стране уважительное. Так что, Кусков считал, что отдаст своего подросткового слоненка в добрые тайские руки.

Куда-нибудь пристраивать своих питомцев Кусков придумал недавно, уже после ремонта томагочи. Ну, не умирать же им, когда они выросли и больше не могут жить стесненные пластмассовой клеткой игрушки. Помирать им рано и не к чему, а так, вроде бы ты заводчик – растишь всякую живность, а потом, когда они окрепнут, отдаешь в надежные и обязательно добрые руки. Карась был не в счет. О нем не вспоминали.

Со стороны, если бы это кто мог видеть, то картина вырисовывалась дурацкая. Сидит инвалид в кресле и разговари-

вает с наборчиком из электронных микросхем и пластмассы. Однако Кускова никто не видел, как и он никого. Соседке свою игрушку он не показывал, да и прятались его питомцы, когда приходила Семеновна, сидели тихо и не издавали никаких звуков. Когда же она уходила, то они радостно выскакивали из своего убежища, и тогда квартира наполнялась веселыми играми, заботой о еде и чистоте.

Когда Клаша стала слоненком, в дверь квартиры позвонили. Отозвался голос Зои, потому Кусков без опаски отпер дверь. Если бы он мог видеть, то заметил бы, что под глазом у Зои красуется свежий синяк, да и сама она передвигается осторожно, как-будто опасаясь что-то расплескать внутри своего тела. Того что там скопилось, видно было очень много, потому что девушка медленно и осторожно полулегла на диван и прикрыла веки.

– Привет. Я у тебя побуду.

– Что, опять менты?

– Нет, Мотя и его друзья-торчки... козлы! – ей, похоже, было необходимо выговориться или пожаловаться. – Мало клиентов, а у них ломка. Как будто я виновата, суки. Только что ли я должна бабло приносить? На всех. Из-за денег, бл-ь!

На последнюю фразу Кусков внимания не обратил и постарался скорее рассказать о своих новостях.

– Спасибо тебе за слесаря, он все сделал.

– Да ладно, мне не трудно. Вот немного отлежусь у тебя, отдохну.

Зоя затихла.

Кусков понял, что та уснула. Он взял Клашу и подался на кухню. Там, стараясь особо не шуметь, поставил чайник на плиту – проснется, чаю попьем и поговорим.

*

Зоя спала долго. Девушка обнаружила себя укрытой стареньким верблюжьим одеялом. Ее ботинки стояли рядом с диваном, значит, Кусков пока она спала, не только укрыл, но и разул ее. Сам он был тут же, в кресле и, судя по безвольно опущенной голове, спал. Когда она застонала, пытаюсь подняться, в инвалидной коляске тоже произошло легкое движение.

– А ты всегда в кресле спишь?

– Нет. Ты же на диване легла.

— Слушай, ты говоришь, что водопровод починили?

– Тебе спасибо.

– Я пойду, душ приму. Полотенце есть?

– Поищи в шкафу, если найдешь чистое.

– Да уж, у тебя здесь, пожалуй, что-нибудь чистое найдешь. Ладно, разберемся. Ты вообще ничего не видишь?

– Вообще.

Зоя начала раздеваться, но иногда все же бросала недоверчивый взгляд в сторону парня. Однако он сидел, никак не реагируя на происходящее. Девушка выудила из шкафа

потертые почти ветхие полотенца и ушла в ванную.

Кусков опасливо прислушивался, и когда в ванной зашумела вода, достал Клашу из кармана брюк, немного помедлил, соображая, куда бы припрятать драгоценное существо. Потом быстро выкатился в коридорчик, нащупал свои ботинки и спрятал игрушку в них. Он панически боялся, что Зоя заберет у него свою игрушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.